

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Алферова И. В. Оппозиционные тенденции в российской печати на фоне политического кризиса 1915—1917 годов / И. В. Алферова, Ж. А. Сорокина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 1. — С. 383–403. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-383-403.

Alferova, I. V., Sorokina, Z. A. (2026). Opposition Trends in Russian Periodicals Amid Political Crisis of 1915–1917. *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 383-403. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-383-403. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Оппозиционные тенденции в российской печати на фоне политического кризиса 1915—1917 годов

Алферова Ирина Викторовна

orcid.org/0000-0002-8951-2744

доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории,
корреспондирующий автор
alferovairi@yandex.ru

Сорокина Жанна Александровна

аспирант,

кафедра отечественной истории
to-janna@yandex.ru

Брянский
государственный университет
(Брянск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-28-00933

«Печать в публичной сфере как
актор интеграции и самоорганизации
российского общества
в условиях Первой мировой войны»

Opposition Trends in Russian Periodicals Amid Political Crisis of 1915–1917

Irina V. Alferova

orcid.org/0000-0002-8951-2744

Doctor of History, Professor,
Department of National History,
corresponding author
alferovairi@yandex.ru

Zhanna A. Sorokina

postgraduate student,
Department of National History
to-janna@yandex.ru

Bryansk State University
(Bryansk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-28-00933

“The press in the public
sphere as an actor of integration
and self-organization
of Russian society in the conditions
of the First World War”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению влияния масовой периодической печати на российское общественное мнение в условиях, предопределивших серьезные политические катаклизмы в 1917 году. Показано, что особенности развития отечественной науки в послереволюционные годы предопределили недостаточное внимание научного сообщества к ряду важных проблем, связанных с историей Первой мировой войны. Отмечается, что в постсоветский период изучение участия России в военном конфликте значительно активизировалось, в том числе с привлечением широкого круга новых документов, среди которых важное место принадлежит материалам периодической печати. Проанализирован ряд российских газет, которые являлись важнейшей составляющей общекультурного контекста военных лет, выступали в качестве субъекта идеологического влияния и одновременно — объекта воздействия на них военных событий. Подчеркивается значение газетного контента, который не только отражал российские реалии на фронте и в тылу, но и по большей части «конструировал» их в общественном сознании в тесной связи с редакционной повесткой. Демонстрируется возрастание оппозиционности периодической печати, которая по мере нарастания проблем на фронте и в тылу оказывала все большее влияние на формирование протестных настроений.

Ключевые слова:

Первая мировая война; периодическая печать; общественное мнение; газетный контент; система управления; кризис 1917 года.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates how mass-circulation periodical press influenced public opinion in Russia during a critical period leading up to the severe political turmoil of 1917. It highlights that the development of domestic scholarship after the Revolution initially overlooked several important issues related to World War I history. In post-Soviet times, however, research on Russia's involvement in this conflict intensified significantly, including the use of newly discovered archival materials, with particular emphasis placed on periodical publications. The study analyzes various Russian newspapers as essential components of wartime cultural discourse and instruments of ideological influence. These newspapers not only reflected realities at both frontlines and home but also actively constructed them within public consciousness through editorial agendas. Furthermore, it demonstrates how increasing oppositional tendencies in the print media contributed substantially to shaping protest sentiments amidst growing challenges faced by military operations and internal discontent.

Key words:

World War I; Periodical Press; Public Opinion; Newspaper Content; Governance System; 1917 Crisis

УДК 94(470.4)“1915/1917”:352+94(47).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-383-403

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Оппозиционные тенденции в российской печати на фоне политического кризиса 1915—1917 годов

© Алферова И. В., Сорокина Ж. В., 2026

1. Введение = Introduction

Изучение Первой мировой войны во всей совокупности её аспектов, определение её влияния на последующее развитие событий сохраняют свою актуальность для современной исторической науки. Несмотря на интенсификацию исследовательских усилий отечественных и зарубежных учёных в последние десятилетия, существует необходимость критического осмысления существующего массива фактологических данных, извлечённых из исторических источников и научной литературы, а также важным остается введение в научный оборот новых, ещё не изученных документов. Важное место среди них принадлежит периодической печати, не только отражавшей на своих страницах ход военных действий, различные оценки происходившего на фронте и в тылу, но и формировавшей общественное мнение по тем или иным вопросам, что в конечном счете обеспечивало социальные действия масс.

«В эпоху мировых кризисов и революций и тираж, и значение газет возрастают с особенной быстротой» [Керженцев, 1919, с. 7]. Причем воздействие периодической печати распространялось даже на те группы населения страны, которые не владели грамотой, но получали в пересказе информацию, почерпнутую из контента газет. Печать превратилась в годы войны в средство формирования основных политических, экономических, нравственных представлений населения воевавших государств. В своем интервью одной из газет российский военный министр констатировал: «... значение печати до такой степени очевидно, что было бы троюзмом распространяться о ее роли. Да, конечно, все признают, все видят, что печать содействует общему делу» [Ардов, 1915].

Современные исследователи справедливо относят к периоду Первой мировой войны уникальный опыт создания посредством периодической печати в Российской империи «основных механизмов реализации политических задач» [Толчинская, 2014, с. 26]. Наступило время, когда властным структурам при принятии политических решений стало необходимо не

только учитывать мнения оппонентов, но и заботиться о том, как полученный результат будет воспринят печатью, а через нее — общественностью. В газетах на этот счет высказывалась такая точка зрения: «Печально, но как-то так бывает, что в эти глубоко важные дни там, где рвется связь с печатью, где проявляют невнимание к ней, там всегда начинается неуспех..., исчезает и связь с душой всей страны, иссякает какой-то питающий источник» [Ардов, 1915].

Советская историография, по идеологическим соображениям отрицавшая либерально-реформистский путь развития России, давала крайне тенденциозные оценки так называемым «буржуазным» периодическим изданиям. Например, «Новое время» оценивалось в качестве «одной из наиболее реакционных газет», занявших место «на самом правом фланге урапатриотической и шовинистической печати...» [Бережной, 1975, с. 29].

Московская газета «Русское слово» советскими исследователями оценивалась, по сравнению со столичным «Новым временем», более положительно с уклоном на ее высокую осведомленность по всем вопросам экономической и политической жизни [Там же, с. 75]. Советский историк печати А. Н. Боянов в монографии, посвященной буржуазной российской печати, определял «Русское слово» как оппозиционную газету, «но отнюдь не партийную», она «не является органом ни прогрессистов, ни кадетов, ни какой-либо партии вообще» [Боянов, 1984, с. 58]. Однако при этом советские исследователи периодической печати периода Первой мировой войны обвиняли издание в якобы сознательном замалчивании вопросов политической борьбы.

Для советской исторической науки было характерно подчеркнутое одобрение пути хаотичной революционной ломки, «всегда сопровождавшейся большими социальными издержками и нестабильностью в обществе» [Коваленко, 2012, с. 9—10]. «Новое время» и «подобные ему газеты» обвинялись в том, что они «атаковали малейшие попытки высказать какие-либо более или менее трезвые мысли и представить действительно правдивые факты из жизни фронта и тыла» [Там же]. В вину этим изданиям ставилось то, что они «обслуживали» частный капитал и стремились к получению наибольшей прибыли.

Действительно, коммерческая деятельность являлась одной из главных в функционировании таких издательств, как «Русское слово», «Новое время», «Биржевые ведомости»: нельзя не учитывать большие денежные затраты, требовавшиеся для выпуска прессы такого уровня (стоимость оборудования, большой формат, объем более 10 страниц, тиражность). При этом массовость подобных изданий обеспечивалась не только использованием новейших издательских технологий, но и, прежде всего, актуальной

информационной составляющей, проблематикой контента, рассчитанной на представителей различных социальных групп, способом подачи материала. Здесь под «массовыми» понимаются издания, которые публиковали материалы, содержащие информацию о текущих событиях на фронте и в тылу, политике, экономике, культуре и спорте, предназначенную для широкой аудитории, и были доступными для каждого как по стилю изложения, так и по цене.

Так, современная исследовательница периодической печати Н. Б. Симонова отмечает: «“Новое время” читал широкий круг русского общества, известный, влиятельный, правящий круг. Благодаря такой связи “Новое время” пользовалось привилегией быть более осведомлённой (в источнике так. — *I. A., Ж. С.*), чем даже официальные органы» [Симонова, 2009, с. 34]. Задача получения выгоды по мере затягивания войны реализовывалась на фоне все большей политизации контента этих газет. Причем освещение всякого рода ситуаций по мере нарастания проблем на фронте и в тылу приобретало все более оппозиционный характер по отношению к мероприятиям российского правительства.

Интересное наблюдение по поводу ряда газет, считавшихся «партийными», а именно — «Речи», «Русских ведомостей», «Утра России», высказал российский историк Ф. А. Гайда. Автор отмечает, что «...эти “партийные” издания реально являлись независимыми и осуществляли собственную политику, нередко влияя на самих членов соответствующих партий» [Гайда, 2003, с. 25].

Учитывая охват читательской аудитории этих периодических изданий, они становились значимыми акторами воздействия на общественное сознание. Неслучайно немецкий генерал и политик Эрих Людендорф выделял «Новое время» (наряду с «Times» в Англии, «Temps» во Франции) как «руководящую газету», обладавшую «сильной национальной основой», и сожалел об отсутствии подобного издания в Германии [Потапов, 1926, с. 60].

В появившихся в последние десятилетия научных трудах, посвященных периодической печати, меняется исследовательская оптика. Ученых интересует не только специфика отражения военной реальности 1914—1917 годов на страницах периодической печати, но и ее возможности формировать и транслировать определенные представления, тем самым определяя общественные настроения. Однако чаще всего такие работы, ограничиваясь интерпретацией отдельных печатных изданий или выборочной проблематикой, не претендуют на масштабные обобщения [Белогурова, 2006; Эйдук, 2008; Фишер, 2009; Котов, 2011; Борщукова, 2011; Абдрашитов, 2012; Филиппова, 2012; Морозова, 2015].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи периодической печати относят к наиболее авторитетным в плане влияния на общественные настроения и мнения в годы Первой мировой войны следующие периодические издания: петроградские — «Новое время», «Вечернее время», «Речь», «Биржевые ведомости», «День», «Современное слово» и московские — «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России». Материалы части из них были интерпретированы в статье с целью наглядно продемонстрировать процесс проявления оппозиционности периодической печати по мере нарастания проблем на фронте и в тылу.

Теоретическими и методологическими основами исследования являлись принципы объективности и критического подхода к источникам.

Синтетический характер материалов периодической печати, который отмечается современными исследователями, предполагает обращение к прессе как к особой группе источников, который сочетает в себе законодательные акты, распоряжения, указы, эго-документы, научные описания, путевые заметки и т. д. Это предопределило при написании работы сочетание различных методов исследования. Во-первых, применение типологического метода, отражающего последовательность изменений и раскрывающего общие черты и специфику изданий, сгруппированных по различным критериям, например, целям и задачам, которые ставили перед собой их учредители, политической ориентации издателей, характеру аудитории, на которую была рассчитана периодика, и т. д.

Использование сравнительного (компаративного) анализа, который позволил выделить и сопоставить основные характеристики ключевых в рассматриваемый временной отрезок периодических изданий, выявить причинно-следственные связи трансформации редакционных политик изданий, превращение их в оппозиционные, получить более полное представление о влиянии газет на общественное мнение.

Применялись также традиционные методы исторического исследования, прежде всего проблемно-хронологический, согласно которому становление периодической печати, изменение ее контента рассматривались поэтапно, согласно нарастанию в Российской империи внутриполитических проблем.

Историко-сравнительный метод использовался при выявлении сходств и различий среди самих периодических изданий по их возможностям воздействия как на читателей, так и на властные структуры. Наконец, историко-системный метод позволил выявить определенную систему в формировании и функционировании информационной среды Российской империи в годы Первой мировой войны.

В статье учитывались научные наработки ряда авторов, в которых содержится новый, непредвзятый взгляд на дореволюционную периодику, рассматриваются правила, нормы издательской среды, разбираются проблемные моменты работы печатных изданий [Жирков, 2012; Раскин и др., 2022].

При проведении источниковедческого анализа материалов периодики военного времени учитывались влияние на контент изданий цензуры, не позволявшей полномасштабно освещать происходившие события, и некоторая идеологическая заданность публикаций, обусловленная концепцией той или иной газеты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Российские периодические издания накануне и в начале Первой мировой войны

Уже в предвоенные годы наметилась тенденция к расширению влияния периодической печати в России, на что косвенным образом указывали возросшие расходы на издание ряда газет и рост тиражей. Так, например, выпуск московской газеты «Русское слово» в 1912 году обходился изда-тельству в сумму почти в 2,5 млн руб., а в 1913 году — в 3,3 млн руб. [Боханов, 1984, с. 63]. Чаще всего популярность газеты обусловливалась ее отказом от сословной и партийной ориентации и стремлением к удовлетворению самых разнообразных информационных запросов читателей.

Тираж «Русского слова» по сведениям, представленным председателем Московской военно-цензурной комиссии генерал-майором А. М. Добровольским председателю Главной военно-цензурной комиссии в Петроград, в октябре 1914 года составлял 0,5 млн экземпляров, в 1917 году он достиг 1 млн экземпляров, то есть за время войны увеличился в два раза [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 74]. В издании, подготовленном к 50-летию издательской деятельности И. Д. Сытина, были приведены более точные цифры: в 1913 году — 325 700; в 1914 году — 619 500; в 1915 году — 655 300, в 1916 году — 739 000 [Полвека для книги ..., 1916, Приложение].

Столь подробные сведения о численности других выходивших газет, к сожалению, невозможно собрать, поскольку их редакции такую информацию официально не предоставляли, а редакционные документы в своем большинстве не сохранились. О популярности, а значит, и о тиражности петроградских и московских газет можно судить по интересу к ним со стороны военной цензуры. Например, в 1914 году, наряду с сохранившими и в последующие годы своих читателей «Биржевыми ведомостями», «Вечернем временем», «Новым временем», «Петроградской газетой», «Днем», «Речью», цензорировались газеты, которые уже к концу первого года войны

или прекратили своё существование, или утратили интерес со стороны цензуры: «Полдень», «Последние вечерние известия», «Славянин», «Русские чтения», «Вечернее звено» и др. [РГИА, ф. 778, оп. 2, 1914—1917].

Далеко не все издания способны были конкурировать с ведущими газетами. По сведениям «Русского слова», сбор информации требовал колоссального труда: «В каждом городе России найти человека, чуткого к общественным вопросам, внимательного и осторожного к верности сообщаемых фактов, способного к журнальной работе, живого, отзывчивого, умеющего загораться, что необходимо при спешке “огневой” газетной работы, — и при том человека, на которого редакция могла бы вполне положиться, за которого могла бы принять на себя полную ответственность, — задача неимоверно трудная» [Полвека для книги ..., 1916, с. 406]. Еще в большей степени эти негласные правила стали проявляться в условиях Первой мировой войны.

Московская газета «Утро России», возглавляемая братьями Рябушинскими, изначально являлась рупором политических воззрений партии прогрессистов в Государственной Думе. В 1913 году, то есть незадолго до начала войны, газета оказалась убыточной и для покрытия расходов по ее изданию (в сумме до 75 тыс. руб.) было подписано соглашение, по которому представители московской торгово-промышленной буржуазии обязались в 1914, 1915 и 1916 годах равными ежегодными платежами внести суммы: «П. П. Рябушинский — 100 тыс. руб., Н. Д. Морозов — 60 тыс., В. П. Рябушинский — 50 тыс., А. И. Коновалов — 40 тыс., Г. М. Марк (Торговый дом Богау) — 15 тыс., С. И. Четвериков — 15 тыс., М. Н. Бардыгин — 15 тыс., Д. В. Сироткин — 10 тыс., А. Г. Карпов — 9 тыс., П. А. Бурышкин — 6 тыс., А. И. Кузнецов — 6 тыс., К. К. Арно — 6 тыс. и С. Н. Третьяков — 6 тыс. руб. [Лаверичев, 1988, с. 97].

В условиях войны финансовая ситуация газеты изменилась. Публикации, в которых затрагивались вопросы российского предпринимательства при переходе российской промышленности на военные рельсы, закономерно расширяли круг читательской аудитории газеты. В ряды читателей включались не только предприниматели центральных губерний России и других регионов, но и многочисленные работники предприятий, простые обыватели. Издание превратилось в информационно насыщенное, оперативно откликающееся на все вопросы экономической и политической жизни. Тираж к осени 1915 года по самым скромным подсчетам составлял более 35 тыс. экземпляров [Там же, с. 128].

Монархическая система управления, которую поддерживала редакция газеты «Утро России», по ее мнению, являлась обязательной для сплочения народа в условиях войны. Официальная государственная пропаганда, которую разделяла газета, строилась на отводимой царю роли вождя на-

ции, на концепции нерушимости единения государя и его подданных, на провиденциальной сущности самодержавной власти.

Однако следование этим принципам не помешало газете «Утро России» превратиться в оппозиционное издание. Продвигая эти идеи, редакция утверждала необходимость «проявлять творческую инициативу», осуществлять деятельность там, «где ее не было», способствовать реализации идей, которые «претворяются в работу». Газета устанавливала принципы своих действий, которые вступали в противоречие с неповоротливостью государственного аппарата, с инертностью мышления чиновников, превращаясь тем самым в оппозиционную: «...печать организует, она является самым мощным координирующим началом для патриотической работы во всей стране» [Ардов, 1915].

Московская газета «Русские ведомости», выходившая с 1863 года и оценённая как наиболее серьезное буржуазное издание конца XIX и начала XX веков, отличалась академическим характером, поскольку на ее страницах печатались аналитические обзоры ученых-профессоров экономических и общественных наук [Вергинский, 1931, с. 78]. Известная представительница дореволюционной либеральной оппозиции А. В. Тыркова-Вильямс заявляла, что «Московские “Русские ведомости” по духу и по составу сотрудников почти сливались с кадетскими, но это старинная, влиятельная газета партийным указкам не подчинялась» [Шевцов, 1997, с. 56]. Начиная с 1890-х годов газета превратилась в крупное доходное предприятие [Боханов, 1984, с. 69]. Тем не менее в условиях Первой мировой войны газета была вынуждена отказаться от научного стиля подачи материалов, обратившись к актуальным проблемам современности и обсуждениям действий правительства. Издание фактически предлагало своим читателям альтернативные способы разрешения многочисленных кризисных ситуаций, зачастую расходящиеся с официальной позицией власти.

Монархический принцип правления поддерживали и многочисленные газеты «кадетской прессы», за что и подвергались критике со стороны советских исследователей. Петербургский комитет по делам печати в качестве наиболее влиятельных из них выделял «Петербургскую газету», «Речь», «Право», «Современное слово» [Шевцов, 1997, с. 56]. Эти издания также разделяли лозунг: «Войны до победного конца!» Однако призывы к самопожертвованию и продолжению активной борьбы на фронте сочетались с вычленением особой роли общественных структур в оказании помощи армии, в мобилизации промышленности и в достижении победных целей, что в корне отличало позицию этих политических сил от официальной и сближало с господствовавшими на различных этапах войны общественными настроениями.

Крупные российские газеты «благодаря внедрению новейших методов в типографское и редакторское дело завоёвывают читательскую аудиторию оперативностью информации, яркостью изложения материала, изданием приложений, устройством различных лотерей и конкурсов» [Боханов, 1984, с. 69—70]. Однако именно «удовлетворение общественных нужд» в условиях Первой мировой войны оказалось на одном из первых мест в государственной и политической жизни страны, и участие прессы в решении насущных вопросов через распространение социальной и экономической информации заняло особое место в повседневной практике значительной части населения.

Редакция «Русского слова» раскрывала механизм своей деятельности в этом направлении: «В тех случаях, когда требуется особая защита общественных интересов, редакция, кроме посылки специальных корреспондентов, поручает ещё одному из публицистов съездить на место и знакомиться с вопросом. Таким образом достигается то, что редакция, а с ней читатель, как бы постоянно присутствует там, где происходят события большого общественного интереса» [Полвека для книги ..., 1916, с. 406].

Через периодическую печать, вне ее партийной принадлежности, через критику действовавших властных структур проводилась мысль о необходимости общественного участия в управлении политическими и экономическими процессами в стране, что находило отклик у значительной части населения. На определенных этапах войны газеты являлись и для официальных властей основным способом повлиять на общественность через их возможности выхода на массовую аудиторию.

Большинство решений на самом деле принималось вне участия новостных изданий, но при необходимости мобилизовать общество, вовлечь его в необходимые действия сложно было обойтись без влиятельных средств печати. Однако на этом пути возникала проблема, преодолевать которую удавалось зачастую только административным путем, поскольку от редактора газеты зависело определение того, что станет новостью, достойной для размещения на страницах его издания, и как о ней следует рассказывать читателям. В этом также заключалась причина потенциального конфликта между печатью и властными структурами.

Таким образом, массовые издания, представленные в статье, за счет высокого качества и количества представляемой на их страницах информации, новых, передовых для того времени способов подачи материала находили своих читателей среди самых широких слоев населения. Такие органы печати, остававшиеся в стороне от партийных пристрастий и стремившиеся в своих публикациях опираться назвешенные факты, почерпнутые из собранных собственными корреспондентами материалов, явля-

лись авторитетными как для обычных читателей, так и для представителей власти, которые в газетах искали ответы на насущные политические и экономические вопросы.

3.2. Печать и цензура в годы войны

В годы войны включение прессы в общественную жизнь не ослабевало даже из-за ограничений, связанных с распространением информации. Уже на второй день с момента объявления военных действий, 20 июля 1914 года, в стране была введена военная цензура, и периодические издания дружно признали ее необходимость: «Война требует тайны, и все должны с тем мириться, это знает “малый ребенок”, строгое соблюдение такой тайны приносит огромную пользу» [Ардов, 1915]. Однако вслед за этим признанием возник вопрос, на который в условиях войны так и не удалось найти универсальный ответ. Каковы пределы ограничений, которые следовало обязательно соблюдать для охраны интересов государства, и как они соотносились необходимостью информированности населения?

Например, в начале ноября 1914 года занимавший должность начальника Генерального штаба генерал от инfanterии М. А. Беляев в специальной телеграмме отмечал, что в периодической печати появляются корреспонденции и статьи, «дающие слишком много сведений о пунктах боев, уходе кавалерийских дивизий на отдых и прочем, что слишком ясно обрисовывает нашу группировку. Подобные корреспонденции, безусловно, недопустимы, и необходимо принять решительные меры к недопущению появления в печати подобных сведений» [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 98].

Начальник штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта в своей телеграмме от 26 апреля 1915 года констатировал, «что в современных изданиях начали появляться фотографии из района действий армий, несоставимые с сохранением военного секрета» [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 220] и т. д.

В вопросе о цензурных ограничениях возникали различные ситуации, вплоть до курьезных. Так, газета «Голос Москвы», несмотря на «категорический запрет» цензуры, в феврале 1915 года опубликовала № 40 статью, которая была до этого не допущена к печати. Цензурный комитет постановил сообщить московскому градоначальнику о необходимости принятия относительно издания репрессивных административных мер. Однако позднее выяснилось, что злого умысла со стороны редакции не было и что статья была напечатана вследствие небрежности служащих, которые не удостоверились, разрешена ли она военной цензурой к напечатанию или нет. С учетом полученных объяснений и извинений было решено не требовать принятия репрессивных административных мер в отношении газеты [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 195]. В другой ситуации редактору «Рус-

ского слова» была запрещена публикация официальной международной телеграммы от 10 марта 1915 года, пропущенной на телеграфе военной цензурой [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 207]. Такие эпизоды достаточно широко были представлены в отношениях цензуры с печатью.

Накопленный предыдущий опыт показал, что отсутствие или значительное урезание распространяемых сведений неминуемо влечет за собой расплывание слухов, которые в определенных случаях наносят огромный вред общественному спокойствию. Так, газета «Утро России» рассказывала о специально назначенной сенаторской ревизии, занимавшейся расследованием в Москве причин московских беспорядков 27—29 мая. Подавляющее число показаний свидетелей погромов предприятий, связанных с лицами немецкого происхождения, сводилось к утверждению слухов «об отравлении немцами воды». Московские власти вынуждены были официально сообщить скрытые ранее сведения о «случаях гастрических заболеваний на некоторых фабриках». По утверждению газеты, если бы печать дала полученную ей от санитарного управления официальную информацию, крупных беспорядков удалось бы избежать. Однако на такую публикацию требовалось особое разрешение, так как в условиях военного времени это означало нарушение закона о военной цензуре, которая, согласно изданным циркулярам, не имела права разрешить печатать подобные сведения, поскольку речь шла об эпидемии, способной вызвать панику среди населения. В результате паника все равно возникла, но под влиянием слухов и с далеко идущими последствиями [Ардов, 1915].

В экономической сфере отсутствие достоверных сведений порождало неверные оценки происходившего. Газета «Утро России» отмечала, что в очень болезненном вопросе о постоянном росте цен в условиях войны мнения газет в большинстве были далеки от главных причин явления. «Впоследствии органы печати, высказавшись совершенно искренно и *bona fide* (*Bona fide* переводится как *добросовестность*. — И. А., Ж. С.) суждение о спекуляции как основной причине дороговизны, изменили свой взгляд, а если бы они с самого начала были “поставлены в известность” об истинной основной причине явления, разве не было бы лучше? Ошибка произошла от незнания. Но бывают случаи, когда печать обладает полным знанием вопроса и, однако, не может сделать необходимого шага и принести всю ту пользу, какую могла бы принести» [Ардов, 1915].

При этом установленные ограничения нередко оказывались расплывчатыми и недостаточно четкими даже для самой военной цензуры. Например, в мае 1915 года последовал запрет на любое обсуждение в печати вопросов участия промышленности в снабжении армии [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 245], и только 19 июля, то есть два месяца спустя, последовало уточнение:

«Общие мероприятия и предположения по мобилизации промышленности оглашать можно, но без точного указания и особенно количества оборудования заводов, мест их нахождения и особенно количества выделяемых предметов вооружения и снаряжения» [РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 2, л. 288].

Доскональное соблюдение цензурных запретов грозило для печати потерей читательского интереса, поэтому она шла на определенные нарушения предписаний. Усугубляло положение то обстоятельство, что военная цензура имела силу «высочайше» утвержденного закона, и в принципиальных случаях нарушение запретов влекло серьезные наказания для редакторов газет и для самих изданий.

3.3. Нарастание «оппозиционности» среди российских периодических изданий

Отступление из Галиции, дезорганизация экономики изменили настроения публикаций, размещаемых в газетах в апреле-мае 1915 года, порождая сомнения в способности правительства обеспечить ведение победоносной войны.

Недовольство определенными представителями верховной власти, а также отдельными мероприятиями царской администрации в ходе затянувшегося военного конфликта обусловливала появление «неодобрительных» материалов даже на страницах монархических газет. Показательна в этом смысле реплика государственного контролера П. А. Харитонова на заседании Совета Министров 16 августа 1915 года, обсуждавшего вопрос о печати, которая, по словам И. Л. Горемыкина «черт знает, что такое начала себе позволять».

П. А. Харитонов предложил «прихлопнуть <...> газеты разных направлений, слева и справа, — аргументировав это тем, что «“Земщина” и “Русское знамя” вредят не меньше разных “Дней”, “Ранних утр” и т. п. органов». Министр иностранных дел С. Д. Сазонов добавил к сказанному: «“Новое” и “Вечернее время” тоже хороши. Я считаю их не менее вредными, чем разные листки, рассчитанные на сенсацию и тираж» [Тяжелые дни ..., 1926, с. 75—76].

Упомянутые П. А. Харитоновым издания ярко выраженного правого толка, «Земщина» и «Русское знамя», при всех особенностях черносотенной печати и возможных в связи с этим преувеличениях в сторону оправдания действия властей, в своих публикациях периодически указывали на существование реальных политических и экономических проблем. Так, пытаясь опровергнуть якобы неправдоподобные слухи, распространяемые вокруг добычи угля, газета «Земщина» в одной из публикаций весны 1916 года невольно указывала на имевшиеся и грядущие проблемы: «Страшная дороговизна материалов, рук, кем-то распространяемые слухи

то о реквизиции, то об уменьшении предельных цен, неподача вагонов и много других причин — сильно расшатали положение средних и мелких шахтовладельцев, добывающих более половины всего извлекаемого угля. <...> Никаких ссуд на усиление добычи антрацита не дают, а причин, влияющих на её уменьшение, — сколько угодно» [Череп-Спиридоневич, 1916].

Более того, в этой статье рассказывалось об «источнике видимости» экономического подъема, связанного с добычей угля в Донбассе. Для получения необходимого количества вагонов шахтовладельцы, видя, что вагонов дают в 4—5 раз менее просимого количества, стали запрашивать в 4—5 пять раз более действительно нужного, причём указывали цифры якобы имеющихся у них запасов во столько же раз преувеличенные. Автор публикации в газете утверждал: «Эти дутые цифры послужили базой для официальной статистики. На самом деле, весь уголь давно распродан, иногда трем-четырем покупателям один и тот же запас» [Там же].

Критические публикации в периодических изданиях расширенного информационного содержания были направлены как простому читателю, так и тем, кто обязан был исправлять возникшие недостатки. Такого рода деятельность повышала эффективность прессы как средства социальной связи населения страны с существовавшей системой управления [Пронин, 1971, с. 99]. Вероятно, неслучайно даже газета «Землица», также стремившаяся привлечь на свою сторону массового читателя, стала допускать на своих страницах довольно резкий тон в отношении не своих оппонентов, а в адрес руководящих структур: «Ясно, что к предстоящей зиме резать дрова и торф будет некому и вывозить будет не на чем. Добыча нефти, вследствие дороговизны и нехватки труб, будет сокращена» [Череп-Спиридоневич, 1916]. Газета «Утро России» с удовлетворением отмечала: «Мы поняли, что есть вещи, которых не только не следует скрывать во имя государственного блага, но которые именно ради блага России должно распространять, делать всеобщим достоянием» [Ардов, 1915].

Поскольку император являлся постоянным читателем отдельных газет (в частности, «Нового времени»), то и он был вовлечен в эти отношения, а почерпнутые массовым читателем из периодических изданий сведения интегрировались в общественное мнение, которое на протяжении почти года войны использовало язык патриотизма, утверждая, что Россия была предана царю и его придворным. Однако с наступлением многочисленных трудностей как на фронте, так и в тыловых территориях империи настрой газет стал меняться, а официальная пропаганда позволяла читающей публике задуматься о значении войны и о приносимых жертвах.

В качестве примеров можно привести выдержку из газеты «Утро России», относящуюся к 15 декабря 1916 года. В редакционной статье с при-

мечательным названием «Последние минуты» ее автор заявлял: «Именно во имя победы мы должны сказать громко: “С этим судорожно отмирающим режимом мы идем к смерти и гибели. Победы с ним не будет!”» [Последние минуты..., 1916]. В другой своей статье газета «Утро России» констатировала: «Единственno, чем возможно сейчас утешиться, это сознанием, что всё совершающееся на наших глазах — последние, быть может, “импульсы” давно изжитого, но, увы, слишком живучего прошлого. Это цепкое прошлое <...> дошло, видимо, до крайних пределов возможного. За этими пределами или пропасть, или резкий поворот. Других путей нет» [Отставка ..., 1916].

В тот же день в своей статье высказывало схожие мысли «Русское слово»: «Раскрылась в полной мере вся ужасная картина развала власти, обнажено было всё разлагающее влияние “скрытых и безответственных” сил. Ослепительный свет, брошенный на самые тёмные, закулисные углы власти, не мог их очистить, но он нанёс её престижу небывалый и непоправимый урон» [Русское слово, 1916, № 288, 14 декабря].

Московские «Русские ведомости» поместили на своих страницах рассуждения известного писателя В. Г. Короленко. Автор отмечал, что правительство долгое время применяло неразумные репрессии, когда имело к тому и формально-«законную», и фактическую возможность. «Это вызывало и накапливало в обществе раздражение и гнев. Теперь оно пытается сделать то же, но уже без фактической возможности осуществления. Это раздражает ещё больше, раздражает даже без ближайших последствий» [Короленко, 1916].

«Новое время» проявляло некоторую умеренность в оценках существовавшей в стране ситуации. По этому поводу иронизировала газета «День» в свое заметке «Что думать и что говорить»: «“Новое время” боится, что думать одно, а писать другое придется еще один раз» [Что думать ..., 1916]. При этом «Новое время» также проявляло склонность к критической оценке ситуации, сложившейся в стране. Например, статья «Пуришкевич и правые», напечатанная 16 декабря 1916 года, содержала рассуждения о праве на критику правительственные структур даже со стороны тех, кто традиционно выступал с поддержкой любых начинаний властей: «То, что министры назначаются Государем Императором, отнюдь не означает того, чтобы министры имели право на преимущественное представительство в сущности и интересов монархии. <...> Если у нас есть свобода слова и печати, то независимые монархисты не только могут, но и обязаны следить за деятельностью назначенных чиновников и подвергать эту деятельность свободной гласности и критике, руководствуясь благом отечества» [Пуришкевич и правые ..., 1916].

Газета «День» негативно оценивала деятельность верхней палаты российского парламента: «За целое десятилетие своего законодательного существования наш Государственный совет единственный раз вышел из повиновения, единственный раз возвысился до степени понимания задач переживаемого государством исторического момента и сказал нужное и важное слово, не сочтя возможным изолировать себя от всей страны...» [Верхняя палата ..., 1916]. Далее газета обсуждала немедленно вслед за этим последовавшие слухи о том, что эта внезапная независимость не останется без последствий и что «бюрократы, призванные негодными для управления страной и выработки законопроектов, оказываются годными и полезными в качестве законодателей!» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в определенные периоды, носившие переломный характер, а таким этапом в истории явилась мировая война, принцип дифференциации периодических изданий на основе их изначальной специализации переставал соответствовать реалиям или по крайней мере не проявлялся однозначно в повседневной практике. В таких условиях на первое место выходила информационная составляющая этих изданий, являвшаяся главным критерием доверия к ним со стороны общества. Такая печать была способна воздействовать на население страны, с ней вынуждены были считаться правящие круги и политические партии, она становилась эталоном для остальной прессы. В газетах отдел статей и фельетонов превратился в самый важный и ответственный, поскольку именно его материалы отражали политическое мнение газеты.

Оппозиционность периодических изданий заключалась в том, что они были способны определять и направлять отношение населения к тем или иным проблемам, непрерывно возникавшим в стране в условиях войны, заставлять власть обращать внимание на предложенные ими способы их решения через привлечение к ним внимания общества. Это достигалось посредством альтернативной интерпретации событий и независимой презентации фактов, отличной от официальных версий, представленных органами власти. «СМИ не могут указать нам, что думать, они могут только сказать, что нам думать о чем-то» [Лиллекер, 2010, с. 40].

Таким образом, оппозиционная печать стимулировала дискуссии, способствовала формированию связей с общественностью посредством адресного обращения к читательской аудитории.

Тон газетных заметок, их заголовки, специальное внимание, уделённое тому или иному аспекту события, употреблённые эпитеты и даже знаки препинания неизменно выявляли отношение самой газеты к происходив-

шему [Керженцев, 1919, с. 52—53]. Отсюда проистекали особенности отношений прессы с властными структурами. «Даже издания, проявляющие величайшую готовность угодить, а иногда даже и потрафить, всё равно не избавлены от репрессии» [Ст. Ив., 1916].

На передний план в оценке периодических изданий, ориентированных на сохранение своих читателей в контексте выбора содержания материалов и ракурса освещения событий с учетом взглядов и настроений аудитории, выходила оперативность и определенная направленность в освещении новостей. По утверждению редакции газеты «Русское слово», граф С. Ю. Витте оценивал следующим образом оперативность информации, собираемой ведущими изданиями: «Но такой быстроты в собирании сведений нет даже и у правительства!» [Полвека для книги..., 1916, с. 406]. Для читателей это обстоятельство также играло важнейшую роль наряду с высокой оценкой газет, умевших сохранять общее направление своего содержания, уже получившего массовое признание. Ради сохранения этого своего статуса газеты периодически отступали от требований цензуры, заботясь лишь о том, чтобы их публикации напрямую не были связаны с разглашением военной тайны.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Ардов Т. Мобилизация печати / Т. Ардов // Утро России. — 1915. — № 173. — 25 июня.
2. Верхняя палата // День. — 1916. — № 345. — 14 декабря.
3. Короленко Вл. Печатный станок и пишущая машина / Вл. Короленко // Русские ведомости. — 1916. — № 289. — 15 декабря.
4. Отставка А. Ф. Трепова // Утро России. — 1916. — № 361. — 28 декабря.
5. Полвека для книги. 1866—1916 : Лит.-худож. сб., посвящ. 50-летию изд. деятельности И. Д. Сытина. — Москва : Сытин, 1916. — 610 с.
6. Последние минуты // Утро России. — 1916. — № 348. — 14 декабря.
7. Пуришкевич и правые // Новое время. — 1916. — № 14650. — 16 декабря.
8. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 13839. Оп. 1. Д. 2.
9. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 778. — Оп. 2. — 1914—1917 гг. Военная цензура при Петроградском комитете по делам печати Главного управления по делам печати МВД.
10. Русское слово. — 1916. — № 288. — 14 декабря.
11. Ст. Ив. Печать и блок // День. — 1916. — № 151. — 4 июня.

12. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров — 16 июля — 2 сентября 1915 года) — А. Яхонтова // Архив русской революции. — Берлин : [б. и.], 1926. — Т. 18. — 136 с.
13. Череп-Спиридоневич А. И. Нельзя терять времени / А. И. Череп-Спиридоневич // Земцина. — 1916. — № 2359. — 19 мая.
14. Что думать и что говорить // День. — 1916. — № 345. — 14 декабря.

Литература

1. Абдрашитов Э. Е. Российские подданные в Германии в августе 1914 г. и формирование образа германского врага в годы Первой мировой войны / Э. Е. Абдрашитов // Научные ведомости белгородского государственного университета. — Серия : История. Политология. — 2012. — Т. 21. — № 1 (120). — С. 170—177.
2. Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / Т. А. Белогурова. — Смоленск : Смоленский ЦНТИ, 2006. — 130 с. — ISBN 5-93738-027-4.
3. Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны / А. Ф. Бережной. — Ленинград : [б. и.], 1975. — 152 с.
4. Борщукова Е. Д. Пропаганда патриотизма в годы Первой мировой войны в русской публицистике / Е. Д. Борщукова // Клио. — 2011. — № 1. — С. 59—61.
5. Борщукова Е. Д. Публицистика времен Первой мировой войны и формирование общественного сознания российского общества / Е. Д. Борщукова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2011. — № 2. — С. 103—106.
6. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал : конец XIX в. — 1914 г. / А. Н. Боханов. — Москва : Наука, 1984. — 152 с.
7. Вертинский Н. С. Газета в России и СССР : XVII—XX вв. / Н. С. Вергинский. — Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. — 168 с.
8. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.) / Ф. А. Гайда. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 432 с. — ISBN 5-8243-0309-6.
9. Жирков Г. В. От «народной» войны к народной трагедии : история русской журналистики 1914—1917 годов : учеб. пособие / Г. В. Жирков. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2012. — 97 с.
10. Керженцев П. М. Газета. Ее организация и техника / П. М. Керженцев. — Москва : [б. и.], 1919. — 158 с.
11. Коваленко Н. А. К вопросу о либерально-реформистском пути развития постсамодержавной и постсоветской России / Н. А. Коваленко // Научный вестник МГТУ ГА. — 2012. — № 182. — С. 7—12.
12. Котов Б. Н. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны / Б. Н. Котов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — № 3—2. — Т. 13. — С. 391—398.
13. Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. (из истории борьбы московской буржуазии с революцией) / В. Я. Лаверычев. — Москва : Наука, 1988. — 355 с.
14. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. с англ. С. И. Остнек / Д. Лиллекер. — Харьков : Гуманитарный центр, 2010. — 300 с.
15. Морозова Н. В. Эволюция «Образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати) / Н. В. Морозова. — Волгоград : Волгоградский ГАУ, 2015. — 335 с. — ISBN 978-5-85536-979-3.

16. Потапов Н. М. Печать и война / Н. М. Потапов. — Москва ; Ленинград : Гос. воен. изд-во, 1926. — 84 с.
17. Пронин Е. И. Печать и общественное мнение / Е. И. Пронин. — Москва : Издательство МГУ, 1971. — 132 с.
18. Раскин Д. И. Периодическая печать России как исторический источник : учебное пособие / Д. И. Раскин, Л. К. Рябова. — Санкт-Петербург : Лема, 2022. — 100 с. — ISBN 978-5-00105-713-0.
19. Симонова Н. Б. Система периодической печати России (вторая половина XIX — начало XX в.) / Н. Б. Симонова. — Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2009. — 132 с. — ISBN 978-5-94356-665-3.
20. Толчинская Т. И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900—1930-х годах : традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет) / Т. И. Толчинская. — Пятигорск : [б. и.], 2014. — 152 с.
21. Филиппова Т. А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Т. А. Филиппова. — Москва : АИРО-XXI, 2012. — 384 с. — ISBN 978-5-91022-188-2.
22. Фишер Л. А. Образ Германии в русской прессе 1905—1914 гг. / Л. А. Фишер // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 97. — С. 80—85.
23. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала ХХ века / А. В. Шевцов. — Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1997. — 315 с. — ISBN 5-7196-0979-2.
24. Эйдук Д. В. Германия и немцы в русской печати, июль — октябрь 1914 г. (по материалам газеты «Утро России») / Д. В. Эйдук // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2008. — Сер. 2. — Выпуск 2. — С. 104—111.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 02.12.2025,
подготовлена к публикации 01.01.2026.

Material resources

- A. F. Trepov's resignation. (1916). *Morning of Russia*, 361. December 28. (In Russ.).
- Ardov, T. (1915). Mobilization of the press. *Morning of Russia*, 173. June 25. (In Russ.).
- Art. IV. (1916). *Print and block. Day*, 151. June 4. (In Russ.).
- Half a century for a book. 1866—1916: Lit.-art collection, dedicated. To the 50th anniversary of the publishing activity of I. D. Sytin.* (1916). Moscow: Sytin. 610 p. (In Russ.).
- Hard days (Secret meetings of the Council of Ministers. July 16 — September 2, 1915) — A. Yakhontova. (1926). In: *Archive of the Russian Revolution*, 18. Berlin: [b. i.]. 136 p. (In Russ.).
- Korolenko, V. (1916). Printing press and typewriter. *Russian Vedomosti*, 289. December 15. (In Russ.).
- Purishkevich and the right. (1916). *Novoe vremya*, 14650. December 16. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. F. 778. Op. 2. 1914—1917. *Military censorship under the Petrograd Press Committee of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs.* (In Russ.).
- RGVIA — Russian State Military Historical Archive. F. 13839. Op. 1. D. 2. (In Russ.).
- Russian word*, 288. December 14. (1916). (In Russ.).

Skull-Spiridonevich, A. I. (1916). There is no time to waste. *Zemshchyna, 2359. May 19th.* (In Russ.).

The last minutes. (1916). *Morning of Russia, 348. December 14.* (In Russ.).

The Upper House. (1916). *Day, 345. December 14.* (In Russ.).

What to think and what to say. (1916). *Day, 345. December 14.* (In Russ.).

References

- Abdrashitov, E. E. (2012). Russian subjects in Germany in August 1914, and the formation of the image of the German enemy during the First World War. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science, 21 / 1* (120): 170—177. (In Russ.).
- Belogurova, T. A. (2006). *The Russian periodical press and the problems of the country's internal life during the First World War (1914 — February 1917)*. Smolensk: Smolenskiy Central Research Institute. 130 p. ISBN 5-93738-027-4. (In Russ.).
- Berezhnoy, A. F. (1975). *The Russian legal press during the First World War*. Leningrad: [b. i.]. 152 p. (In Russ.).
- Bokhanov, A. N. (1984). *The bourgeois press of Russia and big capital: the end of the 19th century — 1914*. Moscow: Nauka Publ. 152 p. (In Russ.).
- Borshukova, E. D. (2011). Journalism during the First World War and the formation of public consciousness of Russian society. *Bulletin of the N. A. Nekrasov Moscow State University, 2:* 103—106. (In Russ.).
- Borshukova, E. D. (2011). Propaganda of patriotism during the First World War in Russian journalism. *Klio, 1:* 59—61. (In Russ.).
- Eiduk, D. V. (2008). Germany and the Germans in the Russian press, July — October 1914 (based on the materials of the newspaper "Morning of Russia"). *Bulletin of St. Petersburg University, 2:* 104—111. (In Russ.).
- Filippova, T. A. (2012). *"The enemy from the East". Images and rhetoric of hostility in Russian satirical Journalism of the early 20th century*. Moscow: AIRO-XXI. 384 p. ISBN 978-5-91022-188-2. (In Russ.).
- Fischer, L. A. (2009). The image of Germany in the Russian press of 1905—1914. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 97:* 80—85. (In Russ.).
- Gaida, F. A. (2003). *The liberal opposition on its way to power (1914 — spring 1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 432 p. ISBN 5-8243-0309-6. (In Russ.).
- Kerzhentsev, P. M. (1919). *Newspaper. Its organization and technology*. Moscow: [b. i.]. 158 p. (In Russ.).
- Kotov, B. N. (2011). The image of Russian Germans in the Russian press on the eve of the First World War. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 3—2 (13):* 391—398. (In Russ.).
- Kovalenko, N. A. (2012). On the question of the liberal-reformist path of development of post-Great Power and post-Soviet Russia. *Scientific bulletin of MSTU GA, 182:* 7—12. (In Russ.).
- Laverychev, V. Ya. (1988). *On the other side of the barricades. (from the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie with the revolution)*. Moscow: Nauka Publ. 355 p. (In Russ.).
- Lilleker, D. (2010). *Political communication. Key concepts*. Kharkiv: Humanitarian Center. 300 p. (In Russ.).

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]

[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

- Morozova, N. V. (2015). *The evolution of the “Enemy Image” in the consciousness of Russian society during the First World War (based on the materials of the central press)*. Volgograd: Volgograd State Agrarian University. 335 p. ISBN 978-5-85536-979-3. (In Russ.).
- Potapov, N. M. (1926). *Print and War*. Moscow; Leningrad: State Military. publishing house. 84 p. (In Russ.).
- Pronin, E. I. (1971). *The press and public opinion*. Moscow: Moscow State University Publishing House. 132 p. (In Russ.).
- Raskin, D. I., Ryabova, L. K. (2022). *The periodical press of Russia as a historical source: a textbook*. Saint Petersburg: Lema. 100 p. ISBN 978-5-00105-713-0. (In Russ.).
- Shevtsov, A. V. (1997). *Publishing activity of the Russian non-socialist parties of the beginning of the XX century*. St. Petersburg: Publishing House of Russian National b-ki. 315 p. ISBN 5-7196-0979-2. (In Russ.).
- Simonova, N. B. (2009). *The system of periodical printing in Russia (the second half of the XIX — early XX century)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 132 p. ISBN 978-5-94356-665-3. (In Russ.).
- Tolchinskaya, T. I. (2014). *The press in the struggle for public opinion in Russia in the 1900s and 1930s: traditions and features of historical evolution (on the example of central and regional newspapers)*. Pyatigorsk: [b. i.]. 152 p. (In Russ.).
- Vertinsky, N. S. (1931). *Newspaper in Russia and the USSR: XVII—XX centuries*. Moscow; Leningrad: State Socio-Economic Publishing House. 168 p. (In Russ.).
- Zhirkov, G. V. (2012). *From the “people’s” war to the people’s tragedy: the history of Russian journalism in 1914—1917: textbook the manual*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Higher School of Journalism. and mass. Communications. 97 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 02.12.2025;
accepted for publication 01.01.2026.*